

1. Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению: Сб. ст. М., 1998.
2. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Под ред. З.Т.Голенкова. М., 1998.
3. Калачева Т.Г., Абросимова Л.В. Установки выпускников школ на получение высшего образования// Социол. исслед. 2000. № 5.
4. Шургина И.И. Жизненные стратегии подростков// Там же. 1999. № 5.
5. Молодежь Среднего Урала: Сб. аннот. отчетов по результатам социол. исслед. 1990–1995 гг. Екатеринбург, 1996.

Н.В.Веселкова

Взросление молодежи в условиях переходного общества

Особенности взросления в современном российском обществе стали фокусом исследовательского проекта, осуществляемого с помощью полужформализованных интервью, групповых дискуссий, мини-сочинений среди старшеклассников и студентов младших курсов нескольких школ и вузов Екатеринбурга в 2002 г., а также другие методы и категории информантов: анализ документов, интервью с экспертами, фокус-группы со школьниками и их родителями. (В данной статье предпринята попытка анализа лишь части информации, а именно высказываний молодых, без совмещения с экспертными оценками.)

Поддержка данного проекта осуществляется в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» Институтом перспективных российских исследований им. Дж.Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных корпорацией Д.Карнеги и фондом МакАртуров (США), а также Институтом «Открытое общество».

Некоторые теоретические, эмпирические и аналитические аспекты изучаемой проблематики представлялись автором на V конференции Европейской социологической ассоциации (Хельсинки, 2001) [1], в Международной зимней школе (Карьяа, 2001) [2]

и на IV Международной конференции «Перекрестки культурных исследований» (Тампере, 2002) [3].

Для современного переходного общества характерно желание получить «все и сейчас», а не последовательно, шаг за шагом: «...всем хочется в общем сразу повзрослел – и чтоб у тебя сразу все было» (Дима, учащийся средней школы). Это желание иметь все и сразу, минуя либо редуцируя традиционные пути взросления, обостряемое переходным состоянием российского общества, может трактоваться как стремление молодежи к ускорению взросления. О том же, кажется, говорит и все возрастающий ритм современности.

Дело обстоит так, как будто молодые люди хотят перескочить все «лишние» преграды на пути к бонусам взрослости, все эти надоевшие поучения старшего поколения, сами жизненные устои которых, в глазах молодых, доказали свою несостоятельность. Во все времена свойственный молодежи нигилизм, межпоколенческая коммуникативная неадекватность, называемая иногда конфликтом поколений, приобретают, таким образом, на порядок иную значимость.

Взросление – vs социализация (методологическое отступление) [4]. Концепция социализации, конечно же, описывает ту же онтологию, что и взросление, и с легкостью способна поглотить наши робкие попытки обрисовать и вычленить свою территорию социологического анализа. И дело даже не в оскомине от «большой теории» социализации, вызывающей тихий ужас, как все тотальное. И не в стремлении непременно сказать что-то новое, даже таким примитивным способом, как жонглирование понятиями, когда за разными словами скрывается, по правде говоря, одна и та же банальная сущность. Хотя, надо признаться, эти искушения хорошо знакомы.

Большая теория социализации хороша, наверное, для учебных пособий, чтобы учитель мог, орудуя указкой, быстро и четко все разложить по полочкам. В других случаях чем больше объем понятия, тем меньше его содержание, а объем же категории «социализация», как выше упомянуто, не просто велик, а всеобъемлющ – тотален.

Уверенность в обоснованности заявки на эвристичность нашей концепции взросления определяется двумя простыми и при этом принципиальными моментами.

Во-первых, мы изучаем не «все взросление», которое, конечно же, происходит всю жизнь; в этом смысле все, что происходит с человеком, – суть взросление и суть социализация, эти два понятия при таком раскладе отождествляются. Мы изучаем взросление «в узком смысле», а именно *переход* из «не-взрослости» во «взрослость», который, естественно, вовлекает важнейшие коннотации обоих состояний (конструкций), но при этом имеет и собственное содержание.

Социологи привыкли считать, что данный переход конституируется и обозначается «переходными событиями»: окончание обучения, (первая) работа на полную ставку, (первый) брак; именно так взросление видится в контексте теории жизненного пути. Сегодня линейное представление о жизненном пути размывается самой жизнью: все более стремительной и более разной, фрагментаризирующейся. Способы перехода при этом становятся все менее очевидными, и это повсеместные процессы.

Во-вторых, социализация подразумевает рассмотрение процесса «извне» и «сверху», как и положено в «большой теории». Наш подход нацелен на рассмотрение процесса «изнутри».

Исследовательские находки: прыжок через пропасть. Действительно ли молодые люди торопятся взрослеть? Этот исследовательский вопрос стоит во главе угла нашего проекта. В поиске ответа на него мы обнаружили удивительное противоречие. С одной стороны, действительно существует удлинённая и даже преувеличиваемая дистанция между молодежью и взрослыми, что, казалось бы, должно предполагать и увеличение пути достижения взрослости, т. е. растяжение взросления. Это совпадает с теорией «удлинения молодости», исходящей из того, что сегодня молодые люди дольше не становятся взрослыми, поскольку дольше длится их забег до планки материальной независимости: жилищной и финансовой самостоятельности, стабильной работы и семьи.

Однако, с другой стороны, в сознании наших собеседников эта большая дистанция парадоксальным образом соседствует не с увеличением, а с сокращением не-взрослости. Образно говоря, между

молодыми и взрослыми разверзлась невиданная доселе пропасть. И эта пропасть, похоже, преодолевается в один бросок! Рассмотрим обе стороны этой на первый взгляд довольно странной конъюнкции.

Преувеличенная дистанция. Среди немалого количества открытий, которые были сделаны в ходе исследования, едва ли не самым впечатляющим стало восприятие молодыми людьми предыдущего поколения. Мы были изумлены, когда от разных, не связанных друг с другом информантов (старшекласников и студентов первых курсов) в ответ на вопрос о взрослении их родителей слышали о «старых временах» и о том, что их (предыдущее поколение) «воспитывал Сталин». Последнее высказывание, хотя и было встречено смехом на групповой дискуссии, тем не менее весьма показательно.

Для молодежи старые времена – до выхода на арену взросления их поколения – как будто сомкнулись: разница между эпохой дедушек и прадедушек, воспитанных на сталинской идеологии, и совсем недавним временем взросления их родителей не столь существенна, нежели период, отделяющий поколение молодых от их родителей. Именно этот феномен мы называем преувеличением дистанции между взрослыми и не-взрослыми.

Выстраивая аналитическую схему, мы обнаружили, по крайней мере, четыре аспекта проявления преувеличенной дистанции: 1) неравенство «межпоколенческого контракта»; 2) негативный имидж взрослой жизни; 3) отличие социалистического и современного типов социального порядка; 4) роль будущего как прерогативы молодых.

1. Процесс двустороннего конструирования «межпоколенческого контракта» можно определить как создание образа молодых и взрослых из взаимных ожиданий. Это рефлексивное полотно, сотканное из упреков и надежд. Не будем разбирать здесь все его ниточки, последуем целенаправленно за красной нитью – дистанцией как предметом нашего интереса. Несмотря на заявленную двусторонность данного процесса, речь пойдет пока лишь о представлениях одной стороны – молодых. Однако двусторонность создается не только «двухголосием» в режиме, так сказать, реального времени. Требования и ожидания старших отчетливо слышны в рассуждениях молодых людей – в снятом, хотя и во вполне ощутимом, виде.

Итак, обратимся к характеристикам «межпоколенческого контракта», маркирующим дистанцию. Во-первых, эта дистанция такова, что способна развести в разные «поколения» даже людей, чья разница в возрасте не превышает 5 лет! Иными словами, речь идет не о демографических поколениях, а о различных единицах в социальной матрице возрастов, поэтому наиболее корректны термины «взрослые» и «не-взрослые».

Во-вторых, это жесткость дистанции, когда не-взрослые и взрослые, наделенные парнопротивоположными ролями (например, дети-родители, ученики-учителя и т.д.), разносятся и закрепляются максимально далеко друг от друга: «Они [взрослые] детей ставят в какие-то рамки, ну и как бы сами себя взрослые поднимают на пьедестал, поэтому у взрослых больше возможностей» (Ксения, 11-й класс, гимназия № 1). В этом высказывании дистанция дана даже зримо: дети заперты «в рамках», едва ли не в клетке, а взрослые, получив за счет этого «больше возможностей», поспешно взбираются на свои пьедесталы.

Удаленность поколений-ролей может выражаться в безразличной отстраненности: «Учителям всем до нас пофиг. Им ничего сейчас от нас не надо» (Артур, 11-й класс, средняя школа), а может приобретать и вполне отчетливый оттенок конфронтации: «Старое поколение, конечно, будет “давить”: то, что у них было, то, что им давали, говорили, они так же будут свои действия показывать. А сейчас, конечно, по-другому все происходит, другое время и поэтому давить, конечно, на детей нельзя...» (Дима, учащийся средней школы).

Еще более выражен негатив в тексте самодетельной газеты «Education», единственный номер которой выпущен весной 2002 г. старшеклассниками одной из гимназий, попавших в наше поле зрения. Все материалы газеты посвящены самовосприятию молодых людей (которое, как отмечалось, в значительной степени отражает восприятие и трансляцию оценок взрослых). И здесь мы опять встречаем метаобраз «давления» со стороны мира взрослых: «Блин, на нас подростков так много давит, просто жуть, начиная с родителей и кончая религией».

Родители, судя по этому высказыванию, воспринимают собственного отпрыска и всю его культуру однозначно негативно, в шты-

ки: «Им почти все не нравится в нас, не нравится и наша музыка (особенно моим предкам). Начинают орать... Предкам не нравится наша культура...». Другой коротенький, на полстраницы, текст из этой газеты просто пестрит словами «ненависть», «негативный», начиная с названия: «Это ненавистное слово “молодежь”». Вот характерная фраза: «Молодежь. Ненавижу это слово, наверное, потому, что ни разу не слышала его без негативных эмоций (то с состраданием, то с укором, да мало ли еще с чем). Я хотела разобраться, в чем мы, та самая молодежь, провинились перед нашими предками!?»

Терзания молодых, этих непонятых индивидуумов – известный мотив любой версии конфликта поколений. Для нашего исследования важна социальная составляющая неравенства, вплетенная в сей мотив – «жизнь предназначена для взрослого человека» (мини-сочинение, 2-й курс, вуз). Под этим имеют в виду неравенство при устройстве на работу и в оплате труда и прочие приемы, с помощью которых старшее поколение всегда стремилось удержать распределение власти в свою пользу, что сегодня так остро ощущается и переживается молодыми.

И наконец, третий интересный момент регулирования напряжения в контракте «взрослый – не-взрослый» проявляется в балансировке заботы и доверия. Забота взрослых, как известно, нередко воспринимается ее реципиентами как гиперопека и начинает докучать, в том числе и потому, что является признаком недоверия и непризнания взрослости. Это приводит к конфликтам. «Конфликты зачастую возникают у меня по поводу, что одеть, что сделать. Я считаю, что меня сильно опекают родители из-за того, что они очень меня любят» (Юля, 10-й класс, средняя школа).

Вымощенная благими намерениями гиперопека лишает возможности взрослеть. Одиннадцатиклассница Ксения, поборница самостоятельности, рассказывает следующее о своей подруге, которой «все запрещали»: «В 16 лет у нее совершенно не развито воображение, совершенно нет никакого образного мышления, ничего. Она не может сама принять решение: ей необходимо обязательно позвонить родителям, узнать все, как делать, что делать, можно ли. Мне кажется, это сильно загоняет человека в рамки и не позволяет взрослеть» (Ксения, 11-й класс, гимназия № 1). Таким образом, «родители сей-

час о детях все заботятся, заботятся, не дают им стать самостоятельными, не дают им повзрослеть» (Игорь, 10-й класс, средняя школа).

Напротив, доверие подразумевает признание за подростком взрослости и наделение его ответственностью. С точки зрения молодого человека, доверие взрослого может казаться весьма привлекательным, не только льстить самолюбию, но и побуждать оправдывать доверие, недаром опытные педагоги используют эту «макаренковскую» мудрость. «Для меня взрослость – это когда тебе доверяют, доверяют что-то очень важное» (Катя, 2-й курс, вуз) – это слова девушки, которая страстно хочет взрослости и четко связывает ее с ответственностью, наступающей в результате доверия, приходящего из мира взрослых. Это пример позитивной интерпретации доверия.

Возможен и негативный вариант, когда подобное доверие воспринимается как вторжение мира взрослых на территорию «незрелости». В этом случае и доверие, и ответственность, и сама взрослость отторгаются или, по крайней мере, отодвигаются на порядочное «расстояние», обозначая тем самым *удлиненную* дистанцию между этими двумя мирами.

Взросление в этом случае связывается с необратимой утратой чего-то важного, особого мироощущения – «это беззаботность, это меньше комплексов, это совсем другие ощущения мира», поэтому «с ребенком не то, что легче – интересней» (Ксения, 11-й класс, гимназия № 1). «Быть взрослым – это значит ты уже не можешь вести себя как ребенок, ты должен отвечать за свои поступки». «Когда ты уже понимаешь, что тебе осталось совсем чуть-чуть до взрослой жизни, пытаешься отдалить этот момент... Боюсь того, что я не смогу, допустим, жить абсолютно самостоятельно...» (Маша, 10-й класс, средняя школа). Эта утрата совершенно неизбежна вследствие принудительности темпоральной структуры повседневности: «Не закрыться..., никуда от этого не денешься..., хочется назад как бы в первые классы, потому что детство, так сказать, – лучшая пора» (Дима, учащийся средней школы).

Представления о взрослении необязательно исполнены такого надрывного, трагично-безвозвратного звучания. Оптимистичный взгляд на переход во взрослый мир зиждется на диалектическом соединении ребячества и взрослости: «Чем больше в нас детского, тем

лучше. У детей все впервые, т.е. они не боятся задать какие-то дурацкие вопросы, которые возможно мы не задаем» (Ксения, 11-й класс, гимназия № 1). Причем аргументируется не только романтическая составляющая, но здравый прагматизм: «Ну, я думаю, но здравый прагматизм: «Ну, я думаю, что в душе все равно, наверное, [лучше] чуть-чуть оставаться ребенком, конечно, т.е. быть полностью взрослым – это с трудностями сталкиваться» (Дима, учащийся средней школы).

Мы столкнулись и с вариантом, когда самозабвенная забота старших не вызывает протеста у молодых, скорее наоборот, они осознают ее выгоды и не торопятся их лишиться: «[взрослеть] – ну вот лично мне кажется, чем позже это наступит, тем лучше, потому что я за саму себя отвечать и за все свои поступки еще не готова» (Аня, 11-й класс, средняя школа). Прослеживается в высказываниях и прагматизм: «Сейчас я еще в школе, – объясняет девушка, – родители нас опекают очень сильно, чувствуется, что ты спрятаться можешь в любой момент под крылышко и тебя не обидит никто».

Итак, стороны изучаемого «межпоколенческого контракта» разделены огромной дистанцией, доходящей до казусов (родители нынешних 18-летних воспитывались все же не при Сталине). Есть соблазн трактовать это преувеличение как временный «оптический обман» в самоутверждении молодого поколения. Но не будет ли это проявлением нашей взрослой «тенденции преуменьшать» действительно мощные различия – в интересах сохранения преемственной связности прошлого с настоящим?

2. Взрослая жизнь в сравнении с не-взрослой предстает чем-то качественно иным, причем различие не в пользу взрослости с ее монотонностью, раз и навсегда распланированной структурой. Мы встречаем колоритный негативный образ взрослой жизни и взрослого человека, вот его черты: «реалисты забытые» (Наташа, 10-й класс, гимназия № 2); «загруженный очень человек, у которого много проблем, который не умеет ни расслабляться, ни находить вещей, развлечений, в которых можно расслабиться, уйти». «Взрослые упертые и более односторонние», в отличие от детей, которые «развиваются во все стороны». Взрослые «забиты какими-то проблемами, какими-то принципами, нормами поведения» (Ксения, 11-й класс, гимназия № 1).

Взросление – это обретение рамок и пленение этими рамками. Само слово «рамки» – частый, характерный элемент дискурса о взрослении. Нормы и принципы, как мы понимаем, вполне необходимые регуляторы общественной жизни и даже ценные проявления достоинств и добродетелей, воспринимаются молодежью как ограничители развития, границы, приводящие к забитости.

Взрослый мир отвращает своими неприглядными чертами. Учащийся 10-го класса Антон считает, что это – «грубость мира», под которой он подразумевает и испорченную экологию, но более всего жестокое социальное расслоение: «Бомжи и всякое такое... Я вот не хочу таким быть, а в то же время задумываюсь, вот вырасту, кто знает, как жизнь сложится? Может, такой же буду». И хотя это говорится со смехом (молодой человек на самом деле не представляет себя в роли опустившегося бомжа), тем не менее подобные размышления заставляют его не торопиться вступать в мир взрослых.

3. Дистанция усиливается *противопоставлением* нашей современной жизни и социалистического строя. Различимы два критерия этого противопоставления: моральный и идеологический.

Моральный критерий апеллирует к прежней строгой морали: «Там были времена другие, более серьезные, строже. Не было тех соблазнов, которые сейчас появились. В то время знали, что это, например, делать нельзя... У них даже мысли не было что-то там нарушить. А в наше время уже ни на что не влияет» (Артур, 11-й класс, средняя школа). Заметим, что это высказывание начинается со слова «там» – пространственного маркера дистанции, мы уже встречались с этим выше, в случае с «рамками» и «пьедесталом».

Таким образом, темпоральное выражение дистанции («раньше», «времена другие», «то время») подкрепляется пространственным, еще более упрочивая дистанцию. Строгая мораль противопоставляется современной «распущенности детей» (Аня, 11-й класс, средняя школа), в результате чего «население нашей страны деградирует» (Маша, 10-й класс, средняя школа).

Раньше, по мнению наших информантов, «были более строгие рамки поведения, более строгие отношения», что способствовало развитию ранней ответственности (Юля, 10-й класс, средняя школа), но не независимости, потому что строгость отношений была едино-

образной, не допускающей никакого личностного выделения. Отметим, что практически все опрошенные непременно связывали взросление с «выстраиванием» личностной уникальности.

Идеологический критерий, включающий представления о социальной структуре, является серьезным аргументом за обоснованность оптики перевернутого бинокля при рассмотрении поколения взрослых с точки зрения нынешней молодежи. Иными словами, смена государственного строя, его знаковых общественных организаций и уже упоминавшееся жестокое расслоение общества, произошедшее на наших глазах, служат пограничными столбами дистанции-пропасти.

Вот как это звучит: «Родители нас не понимают, потому что они жили в другое время, при социализме, а в нем были совершенно другие нравы»; «Сегодняшнее [взросление] сильно отличается, потому что сейчас демократия, всем дали свободу выбора. Раньше все по указке было. Раньше создавались какие-то организации, те же самые пионерские организации. Молодежь воспитывали в одном русле. Партия там, комсомол и все такое. А сейчас каждый выбирает сам, и влияет на это также общество, в котором данный человек пребывает» (Тима, 11-й класс, средняя школа).

Особенность взросления в современном российском обществе обусловлена иным, чем у предыдущего поколения, режимом – «демократией». Причем важнее здесь не политологическое определение и не его идеологическое наполнение, а не до конца понятная разбросанность современного общества, пугающее многообразие. «Влияет то, что оно [общество] сейчас очень разношерстное», – развивает свою мысль Тима. Единство «по указке», безусловно, несет негативную коннотацию, но в то же время нынешнее многообразие наряду с положительной стороной имеет отрицательную: распушенность, некачественное взросление.

Этот когнитивный диссонанс прослеживается в противоречивых утверждениях наших информантов. «Культурная обстановка тоже была совершенно другая. Ну, может, она была и выше. Принудительно делали это или непринудительно, но в основном по указке все делали, т. е. в театры ездили, еще куда-нибудь, концерты какие-то устраивали... А сейчас большинство молодых людей на более сниженном уровне. Тогда как-то задумывались, еще пытались

понять, что происходит вокруг них» (Тима, 11-й класс, средняя школа). Сейчас, как и в то время, имеет место «однобокость мировоззрения сегодняшнего», которая выражается в собственничестве и индивидуализме, доходящем до эгоизма. Фактически наш информант высветил ограничительную природу общества, обсуждая различные, как он полагает, ограничения советского и демократического обществ.

Итак, высокие ставки и суровые условия (кто не успел, тот опоздал) побуждают к ускоренному взрослению. Однако прыжок через традиционную поэтапность этого процесса грозит суррогатностью: «Молодежь становится взрослее раньше, но пользы от этого очень мало, т.е. взросление происходит не очень “качественно”» (Дима, 11-й класс, средняя школа). «Сегодня человек становится взрослым быстрее, чем нужно» (мини-сочинение, 2-й курс, вуз).

4. Роль будущего. На вопрос, в каком времени (прошлом, настоящем или будущем) больше всего находятся его сверстники, о каком времени больше думают, один информант ответил: «Конечно, о будущем и о настоящем. Даже вот борьба поколений: мол вы не как мы, это лишний раз доказывает, что мы не так живем, мы совсем другие, т. е. совсем другие нравы, мнения и все такое» (Антон, 10-й класс, средняя школа).

Молодые закономерно ассоциируют старшее поколение с прошлым, а поскольку и морально, и идеологически прошлое кардинально отличается от настоящего, образуется удлиненная дистанция. Более того, отказывая взрослым в способности преодолеть это прошлое, их «не берут» и в будущее! Ограниченность, заданность и монотонность взрослой жизни, как она видится молодым, приводят их к парадоксальному выводу: у взрослых нет будущего, потому что они его уже прожили! «Взрослые его уже знают, они его прожили» (Ксения, 11-й класс, гимназия № 1). Заметим, что будущее для молодой девушки притягательно своей неизвестностью, точнее, пленительной неизведанностью, которая таит в себе многие возможности: «А мы еще не знаем, что, в принципе, будет завтра, – продолжает она противопоставление старшему поколению, – поэтому, естественно, возможно простое любопытство, простой интерес – что будет завтра».

Социальный смысл будущего, безусловно, связан с чем-то действительно новым. Различие между взрослыми и не-взрослыми (с точки зрения последних) определяется характером этой новизны. Эта принципиальная, скорее позитивная, чем пугающая, негативная, открытость будущего, наверное, и отличает молодого – причем не обязательно по возрасту! – человека от «забитого реалиста», заключенного в круговорот «простого воспроизводства» своей взрослой жизни. В то же время нельзя упускать из вида и негативную составляющую неизвестности, которая, видимо, становится все более значительной в современных практиках взросления (эта гипотеза нуждается в проверке).

Итак, социальная природа будущего является существенным аспектом, задающим перспективу молодых, и эта природа дуальна. С одной стороны, информанты говорят о неопределенности, которая их тревожит, иногда даже пугает, а с другой – они описывают будущее как сказку, как мечту, как что-то притягательное именно своей неизвестностью. Вероятно, мы не сможем понять, чего больше в этом восприятии – страха или вдохновения. Направление дальнейшего исследовательского поиска нам видится в том, чтобы наполнить смыслом эти две неразрывные стороны.

Ускоренное взросление. Более раннее, чем у прежних поколений, взросление декларируется практически всеми молодыми участниками нашего исследования, даже теми, кто признается в своем желании продлить не-взрослость. Например, Аня, еще не готовая, как мы помним, отвечать за свои поступки, объясняет: «У родителей все по-другому и гораздо позже было. Сейчас дети быстрее взрослеют, потому что жизнь такая. Больше проблем появилось: для учебы нужны деньги, связи нужны большие, чтобы устроиться на работу. Поэтому, чтобы стать на ноги, по-настоящему обеспечивать себя и становиться взрослыми, нужно больше затратить чем раньше».

Большая затратность взросления, думается, связана не только с финансовым либо социальным капиталом, но с затратами на выбор из множества вариантов при многих неизвестных (особая неопределенность будущего в быстро меняющемся мире). И именно масштаб этих «проблем» заставляет молодых людей раньше включаться во взрослую жизнь. Они раньше узнают то, о чем родители

ли в их возрасте и не подозревали; и это, увы, не только мультимедиа, но и такие вещи, как наркомания.

Заранее, с прицелом на будущее, молодые люди осваивают практики «мира взрослых», причем не только демонстративные (типа курения и других взрослых «атрибутов»), но и содержательные. Например, студенты «работают в практических целях – в будущем может пригодиться. Работа является дополнительным источником пополнения знаний» (групповая дискуссия, 2-й курс, вуз).

Очевидно, что ускоренное или сокращенное взросление несет не только продвинутость и боеспособность современной молодежи перед лицом проблем, но и изъяны, о которых уже говорилось выше. Поэтому многие информанты приходят к выводу, что взросление сегодня происходит не просто быстрее, но труднее, чем раньше. Основная причина по логике нашего подхода – все та же многовариативность возможных стратегий в отсутствии беспроектной генеральной линии.

Предварительный анализ не обнаруживает ни футуромании, ни феномена жизни одним днем в темпоральных доминантах взросления [1, 2, 3]. Молодые люди не торопятся скорее стать взрослыми, напротив, они хотят продлить беззаботную юность. В одном из интервью порадовал почти аналитический акцент на ценности настоящего: «Надо любить жизнь. Вот это [не-взрослость] какая-то часть, какой-то период в твоей жизни... Нужно как-то детство немного, наверное, еще протянуть, но затягивать тоже нельзя» (Таня, 10-й класс, средняя школа). Именно эта связность ценности настоящего с прошлым и будущим не позволяет назвать данное отношение «презентизмом» (по П.Штомпке [5]). Молодые учатся контролировать свое время – в различных смыслах. Они делают свой возраст самооценным (а не просто функционально переходным), в том числе и вопреки изменяющимся социальным факторам и требованиям традиционной матрицы возрастов.

В то же время почти все наши информанты утверждают, что сегодня молодые раньше становятся взрослыми, например, чем их родители. Таким образом, на поверхности – не удлинение молодости (не-взрослости), но ее укорачивание; а то, что лежит внутри, – предмет текущего и последующего исследований. В целом же молодые не столько торопятся, сколько вынуждены быстрее взрослеть. Впро-

чем, простое сопоставление скоростей (быстрее – медленнее) вряд ли применимо к процессам взросления у нынешней и «прежней» молодежи, если признать, что раньше все действительно было совсем по-другому. Поэтому целесообразно говорить об особенностях (стратегиях, ресурсах, рисках и т.д.) взросления, к которым, впрочем, придется отнести и рассуждения о «скорости».

В любом случае границы социального возраста в переходном обществе приобретают обнадеживающую подвижность и гибкость, не создавая жестких предписаний для взросления. Другой стороной медали является растерянность, напряженность молодых людей и размытость социально-культурных ориентиров взросления.

Библиографический список

1. *Vesselkova N.* The age and the history: value attitudes towards time. Paper presented The 5th Conference of the European Sociological Association “Visions and Divisions”, August 28 – September 1, 2001, Helsinki, Finland.

2. *Vesselkova N., Pryamikova E.* Strategies of becoming adults and social distructions. Paper presented at Winter School “Youth cultures, ethnicity, violence – theoretical, methodological and ethical perspectives”, 3 – 5 December 2001. Finland, Raseborg course centre, Karjaa. [//http://www.alli.fi/nuorisotutkimus/winterschool.htm](http://www.alli.fi/nuorisotutkimus/winterschool.htm).

3. *Vesselkova N.* Social Matrix of Ages in Transformational Society //Crossroads in Cultural Studies. Fourth International Conference, June 29 – July 2, 2002. Tampere, Finland. Session Abstracts.

4. *Pryamikova E.* Developing Social Competence of Secondary School Students // Crossroads in Cultural Studies. Fourth International Conference, June 29 – July 2, 2002. Tampere, Finland. Session Abstracts.

5. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ.; Под ред. В.А.Ядова. М., 1996.